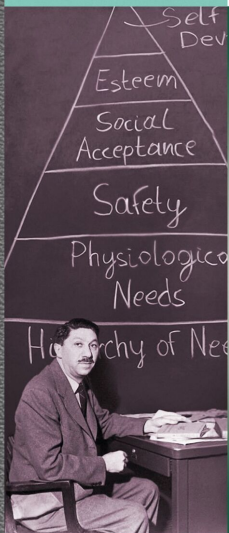
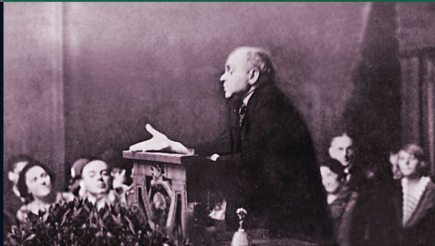

ВЕЛИКИЕ ПСИХОЛОГИ

Станислав
Аристотел

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Станислав В. Аристов
Великие психологи
Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1772

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67930101

Великие психологи / Станислав Аристов: Молодая гвардия; Москва;

2022

ISBN 978-5-235-04686-3

Аннотация

Человеком правят страхи и желания. Не важно, боится ли он открытого или замкнутого пространства, одиночества или общественного внимания, жить или умереть. Хочет ли он любви или власти, богатства или бессмертия, славы или постижения смысла жизни. Важно разобраться в том, чего же на самом деле боишься или хочешь. Понять хитросплетения человеческой природы читателю помогут выдающиеся теоретики и практики психологии. Люди, чьи идеи стали классикой еще при жизни. Их биографии, в которых сошлись воедино мистические, приключенческие, комедийные, детективные, любовные сюжеты, сделают путь к пониманию себя не только познавательным, но и увлекательным.

Содержание

Предисловие	7
Глава I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Станислав Аристов
Великие психологи

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в
1933 году М. Горьким

Выпуск 1772

© Аристов С. В., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

Предисловие

В один прекрасный день те же самые люди о тех же самых вещах начинают думать совсем иначе, чем прежде; почему они раньше так не думали, остается темной тайной.

Зигмунд Фрейд

Человек стал человеком, как только его заинтересовала собственная душа. Но чтобы приблизиться к пониманию ее природы, потребовались тысячи лет. На этом пути человеческая мысль прошла через первые, смутные представления первобытного анимизма и политеизма, философские прозрения античных философов и мистические переживания учителей и пророков монотеистических религий, пока наконец не оказалась оформленной в науку, получившую название психология.

«Отцом-основателем» психологии принято считать немецкого ученого Вильгельма Вундта, определившего ее как науку о сознании и открывшего в 1879 году первую в мире психологическую лабораторию. После этого события стало казаться, что тайна души, или как ее стали называть более приземленно – психики, будет в недалеком будущем раскрыта. Но вскоре стало понятно, что этим мечтам не суждено сбыться, по крайней мере в ближайшее время. Нарушитель спокойствия – австрийский врач Зигмунд Фрейд – не только

доказал существование бессознательного – той части психики, которая хранит вытесненные из сознания тайные фантазии и запрещенные желания, но и заявил, что это самое бессознательное виновно чуть ли не во всех страданиях человека. Именно с Фрейда в истории психологии началась эпоха создания различных школ со своими доктринами, внутренней организацией и особым процессом посвящения.

В XX веке помимо психоанализа возникли бихевиоризм, гештальт-психология, аналитическая, индивидуальная, гуманистическая, трансперсональная психология и ряд других направлений. Все они спорили между собой, противоречили друг другу, доказывали всему миру и себе самим собственную уникальность и правоту. И продолжают это делать до сих пор.

В предлагаемой вниманию читателя книге рассказывается о выдающихся личностях, основоположниках и ярких представителях ведущих психологических направлений. Жизнеописания наших героев позволяют внимательно проследить происхождение и эволюцию их взглядов, увидеть, в какой степени сами они следовали собственным убеждениям, общаясь с близкими людьми – родителями, супругами, детьми. Не было ли в их жизни той весьма распространенной трагедии, когда благие идеи проповедника и его жизнь оказываются абсолютно противоположными полюсами.

Каждый из героев книги оставил особенный след в изучении внутреннего мира человека. Их идеи до сих пор попу-

лярны, их методы до сих пор актуальны. И все они являлись неординарными людьми, жизнь которых, без сомнения, может быть названа замечательной. На страницах этой книги читатель познакомится с двумя духовными учителями, один из которых мистик, посещавший то ли потусторонний мир, то ли блуждавший по лабиринтам собственной души, а другой – эпатажный гуру, практически хиппи, употреблявший наркотические вещества, чтобы «расширить границы своего “Я”». Один из героев верил людям настолько, что пригласил на работу, прямо к себе в дом, бывшего преступника, ничего не зная об этом человеке, только что вышедшем из заключения. Другой герой повествования сам оказался узником, правда, не тюрьмы, а нацистского концлагеря, выжил в нем и поведал о своем трагическом опыте миру. Двое персонажей этой книги на протяжении всей жизни искали ту самую – настоящую – любовь. Они даже были влюблены друг в друга, но не нашли в этих отношениях своего счастья и расстались навсегда. В отличие от них еще один герой встретил единственную любовь в юном возрасте и прожил в счастливом браке до конца своих дней, поверив благодаря жене и в себя, и в человечество.

Однако автор этой книги считает своим долгом предупредить: он не имел целью составить подробные жизнеописания героев, со скрупулезным анализом всех их работ. Не стремился дискутировать по тем или иным спорным вопросам теории и практики психологии. Не пытался открыть что-

то абсолютно новое в истории науки о душе. Ну и наконец, автор не намеревался представить на страницах этой книги биографии выдающихся российских и советских психологов. У подобного подхода есть лишь одна причина – отечественная наука внесла настолько значительный вклад в развитие психологии, что заслуживает отдельной книги.

Глава I

Карл Юнг

(1875–1961)

Если бы наш герой жил в Древнем Египте, то непременно бы стал жрецом – провидцем, облаченным в шкуру леопарда и общающимся с душами умерших, объясняющим знамения природы и сновидения людей. Если бы он жил в Средние века, его могли бы объявить колдуном, которому служат духи, и, вполне вероятно, сожгли бы на костре, предварительно подвергнув пыткам. Если бы он жил в эпоху Просвещения, его посчитали бы сумасшедшим и отправили бы в один из тех домов, где лечили при помощи только что изобретенного «успокаивающего стула», привязав так, чтобы он не мог двигаться, а на голову надев специальную насадку, медленно сдавливающую череп. Под стулом находилось бы ведро, в которое, как ожидали врачи той эпохи, вместе с экскрементами из пациента должно выйти и безумие. Но наш герой не оказался ни магом, ни еретиком, ни умалишенным. Он стал всемирно известным психологом. И звали его Карл Густав Юнг.

Это имя известно каждому, кто хотя бы немного интересовался историей психологии. Возможно, даже и тем, кому психология безразлична. С Карлом Юнгом связано множе-

ство легенд, часть которых появилась еще при его жизни. В своей знаменитой и таинственной «Красной книге», опубликованной уже после его смерти, Юнг писал: «Не учение и не наставление я даю вам. На каком основании могу я осмелиться учить вас? Я сообщаю вам новости о пути этого человека, а не о вашем пути. Мой путь – это не ваш путь, потому я не могу вас учить. Путь внутри нас, а не в Богах, и не в учениях, и не в законах. Внутри нас путь, и истина, и жизнь. Горе тем, кто живет примерами! Нет жизни в них. Если вы живете в соответствии с примерами, вы живете жизнью этого примера, но кто будет жить вашу жизнь, как не вы сами? Так живите сами»¹.

Однако люди сами творят и своих демонов, и своих богов. Поэтому почитатели нескончаемой вереницей тянулись к дверям дома Юнга, где он в последние свои годы жил в затворничестве. Таков закон природы – чем дальше человек пытается уйти от людей, скрыться от них, тем сильнее притягивает их к себе ореолом тайны. И последователи Юнга не были исключением – они видели (и до сих пор продолжают видеть) в нем Учителя, открывшего им новый Путь.

Так кем же он был на самом деле, этот швейцарский психолог? И почему спустя десятилетия после смерти Карла Юнга исследователи утверждают, что большая часть его жизни по-прежнему остается тайной?

Все биографы Юнга начинают повествование о нем с рассказа о его дедушках и бабушках. Это вполне оправданно,

так как позволяет проследить эволюцию многих увлечений и убеждений будущего всемирно известного психолога. Его дед по отцовской линии, тезка нашего героя, Карл Густав был известным человеком в Базеле. Ходили слухи, которые, вероятно, дед сам и поддерживал, что он являлся внебрачным сыном Гёте. Эта легенда настолько нравилась его внуку, что тот, будучи мистиком, считал одной из своих ипостасей в цепочке прошлых перерождений именно великого немецкого писателя.

На самом же деле дед Юнга происходил из семьи немецкого врача и, следуя семейной традиции, вынужден был изучать медицину в Гейдельбергском университете, хотя молодой человек был натурой романтической и его настоящей страстью являлись куда более возвышенные сферы, такие как музыка и поэзия. Тем не менее, будучи человеком увлекающимся, Юнг (старший) всё же сумел заинтересоваться медициной, окончил университет и переехал в Берлин, где устроился на работу хирургом-ассистентом. Справедливости ради стоит отметить, что свои идеалистические устремления он реализовывал, став активным участником романтического и вместе с тем националистического движения, распространенного в те годы в Германии. Идеи о неповторимом своеобразии немецкого народа, его особом духе, столь актуальные в годы разделенной Германии и принесшие ей спустя несколько десятилетий одни лишь страдания, были восприняты Карлом Юнгом (старшим) с энтузиазмом, свойствен-

ным молодым людям. Он отрекся от католической веры, став протестантом, что было засвидетельствовано известнейшим немецким теологом и проповедником Фридрихом Шлейермахером.

В 1819 году жизнь Карла Юнга (старшего) в одночасье изменилась. Молодого медика арестовали за соучастие в убийстве государственного чиновника: полиция нашла в его комнате молоток и топор, принадлежавшие настоящему убийце – другу Юнга. После годичного тюремного заключения Карл Юнг был выслан из Пруссии с запретом работать в большинстве других германских земель. Ему ничего не оставалось делать, как покинуть Германию. И он отправился в Париж.

В столице Франции судьба оказалась к нему благосклонна. Там он познакомился с известным ученым Александром фон Гумбольдтом, который написал ему рекомендательное письмо для медицинского факультета Базельского университета, где Юнг всего лишь за один год прошел путь от доцента до профессора. А уже в 1828 году он был избран ректором, став почетным гражданином Базеля.

Несмотря на столь обширную деятельность Карла Юнга (старшего) неизменно тянуло к чему-то большему. Идеалистические идеи переустройства общества не шли у него из головы. Возможно, именно поэтому он решил вступить в тайную масонскую организацию, а со временем стал ее главой – Великим Магистром Швейцарии. Масонское братство давало Юнгу (старшему) не только возможность влиять на

судьбы мира, но и заниматься вполне прагматичными вещами. Например, личные связи он использовал при создании и патронаже больниц в Базеле. Членство в масонской ложе давало ему также чувство принадлежности к обществу, чего Карлу Юнгу (старшему), высланному из родной Германии, так не хватало.

Семейная жизнь Карла Юнга (старшего) была далека от безмятежности. Его первая жена умерла, и он решил посвататься к дочери мэра Базеля. Но получил отказ. Выйдя из дома главы города, Юнг не придумал ничего лучшего, чем отправиться в ближайший трактир, где сделал предложение первой встреченной им официантке. Изумленная девушка, которую звали Аниела, сразу же ответила согласием, и вскоре они поженились.

Однако счастье молодых супругов оказалось недолгим. Спустя три года Аниела умерла, и Юнг вновь пошел свататься – к дочери главы города Софи Фрей. На сей раз мэр уступил напору кавалера и отдал дочь ему в жены. К тому моменту у Юнга (старшего) уже было пятеро детей от двух жен. Всего же он стал отцом тринадцати детей, большинство из которых умерли, не дожив до юношеских лет. Последнего, тринадцатого ребенка звали Иоганн Пауль Ахиллес Юнг. Именно он стал отцом нашего героя – Карла Густава Юнга.

Дедушка и бабушка Карла Юнга по материнской линии также были весьма примечательными личностями, прямо или косвенно оказавшими влияние на внука. Дед Самуил

Прейсверк был известным теологом, главой протестантской общины Базеля, автором стихотворений и церковных гимнов, грамматики древнееврейского языка. Семейные легенды гласили, что Самуил был визионером. В его рабочем кабинете стоял специальный стул для духа первой жены, который приходил к нему каждую неделю. Рассказывали, что когда он сочинял проповеди, то сажал дочь Эмилию – будущую мать Карла Юнга – у себя за спиной и она отгоняла злых духов, чтобы те не мешали ему творить. Вторая супруга Самуила Прейсверка Аугуста Фабер, бабушка Юнга, якобы обладала способностями прорицательницы. Когда ей было 20 лет, она из-за болезни оказалась в состоянии каталептического транса, из которого была выведена, лишь когда врач прикоснулся к ее голове раскаленной кочергой. После такого пробуждения она и начала «пророчествовать».

Родители Карла Юнга были людьми куда менее известными. Отец будущего психолога Пауль Ахиллес Юнг изучал восточные языки в Гёттингене и даже подготовил диссертацию по арабскому переводу «Песни песней царя Соломона» – одной из книг Ветхого Завета. Но, как позднее писал его сын Карл, «дни славы отца закончились вместе с последним экзаменом, после которого он забыл свой лингвистический талант». Пауль Юнг сначала стал сельским пастором, а в 1879 году был переведен в Кляйн-Хюнинген, предместье Базеля, где получил назначение в храм при психиатрической больнице.

Характер и образ жизни отца не стали примером для Карла, который считал его деятельность на религиозном поприще бездарным времяпрепровождением, а между тем Пауль Юнг имел склонность к научному познанию мира – более совершенному, с точки зрения сына, пути к истине. Тем не менее тот факт, что Карл родился в семье священника, оказал важнейшее влияние на его духовный поиск и интерес к религии. Другое дело, что ответы, которые давал отец и христианское учение в целом, не устраивали мальчика. Вполне вероятно, что в отношениях отца и сына произошло нечто, о чем мы не знаем, но что было расценено маленьким Карлом как травмирующее событие. Иначе невозможно объяснить то настойчивое, невротическое желание следовать в своей жизни наперекор всему, что делал его отец и во что он верил.

Женой Пауля Юнга стала Эмилия Прейсверк, которую Карл считал хорошей матерью, нежной, общительной, умевшей выслушать собеседника. Находясь под влиянием своего отца, она всю жизнь верила в наличие у нее вещей снов и вела дневник, в который записывала все случаи ясновидения.

Как справедливо отмечал историк медицины Генри Эленбергер, «такой семейный фон, возможно, позволяет лучше понять некоторые стороны юнговского мышления и причины его расхождения с Фрейдом. Фрейд был любимым первенцем у красивой молодой матери, тогда как в памяти Юнга оставался образ матери, отнюдь не отличавшейся красотой и двойственной в своих проявлениях. Идея, что всякий ма-

ленький мальчик ощущает себя любовником своей матери и ревнует ее к отцу, казалась ему нелепостью. При этом Юнг делал упор не столько на враждебность сына по отношению к отцу, сколько на бессознательную идентификацию с ним и с предками с отцовской стороны. Без сомнения, Юнг меньше отождествлял себя с отцом, нежели с блестящим, романтическим и удачливым дедом. Когда Юнгу приходилось опровергать слухи о том, что последний являлся незаконным сыном Гёте, он обычно улыбался»².

У супругов Юнг было трое детей. Старший из них, Пауль, родившийся в августе 1873 года, прожил лишь несколько дней. Затем 26 июля 1875 года на свет появился Карл Густав, а 17 июля 1884 года родилась дочь – Иоганна Гертруда.

О раннем детстве Карла Юнга практически ничего не известно. Единственным источником, весьма фрагментарным и заслуживающим изрядной доли скептического отношения в связи с последующей переработкой текста ассистенткой психолога, является его автобиографическая книга «Воспоминания, сновидения, размышления». Если верить этому тексту, то самый первый образ, сохранившийся в памяти Юнга, был впечатлением детского счастья: «Я лежу в коляске в тени дерева. Стоит чудесный, теплый летний день, небо голубое, и золотистый солнечный свет проникает сквозь зеленую листву. Верх коляски поднят. Я только что начал ощущать красоту этого дня, и мне неописуемо хорошо. Я вижу, как солнце просвечивает сквозь листья деревьев и цветущие

кустарники. Всё совершенно удивительно, ярко, великолепно»³.

Последующие воспоминания, относившиеся к раннему детству, были наполнены страхами. Одним из самых сильных стал страх «черного человека», характерный для многих детей, однако у Юнга он приобрел религиозную окраску, поддержав его негативное отношение к вере и Богу. «Однажды жарким летним днем я сидел один, как обычно, у дороги перед домом и играл в песке. Дорога поднималась вверх к лесу, и мне хорошо было видно, что происходило наверху. Я увидел спускающегося из леса человека в странно широкой шляпе и длинном темном облачении. Он выглядел как мужчина, но был одет как женщина. Человек медленно приближался, и я увидел, что это действительно мужчина, одетый в особенную, доходящую до пят черную одежду. При виде его я преисполнился страхом, который превратился в смертельный ужас, как только пугающая мысль узнавания вспыхнула в моей голове: “Это иезуит”. Незадолго перед тем я подслушал беседу между отцом и гостившим у нас священником. Беседа касалась грязной деятельности иезуитов. По полураздраженному, полуиспуганному тону отцовских реплик я понял, что “иезуиты” – это нечто исключительно опасное, даже для моего отца. На самом деле я, конечно же, и представления не имел о том, что такое иезуиты, но мне было знакомо похожее слово “Jesus” (от *лат.* Иисус. – С. А.) из моей маленькой молитвы. Человек, спускающийся вниз по доро-

ге, видимо, переоделся, подумал я, поэтому на нем женская одежда. Возможно, у него дурные намерения. Ужаснувшись, я бросился к дому, быстро взбежал по лестнице и спрятался под балкой в темном углу чердака»⁴.

В возрасте шести лет Карл пошел в школу. Поначалу учеба мальчику нравилась. Он легко осваивал материал, опережая сверстников в интеллектуальном развитии. Кроме того, Карл нашел в школе друзей, которых так не хватало прежде.

Весной 1886 года родители отправили Карла в гимназию Базеля. Оказавшись в новом для себя мире, мальчик впервые понял, что такое социальное неравенство. Он происходил из семьи бедного сельского священника и был вынужден сидеть по шесть часов в классе, судя по его воспоминаниям, «в дырявых туфлях и мокрых носках», тогда как сверстники были детьми состоятельных родителей, хорошо одетыми, воспитанными, имевшими карманные деньги. Острое неприятие действительности привело к проблемам со здоровьем, которые сам Юнг мог бы в дальнейшем охарактеризовать как невротические. Однажды во время конфликта с одноклассником Карл неожиданно потерял сознание. Ничего страшного в этом не было, но впоследствии он стал использовать этот прием, чтобы избежать неприятных для себя вещей – учебы в гимназии, выполнения домашнего задания или столкновений с какими-либо трудностями. Лишь случайно подслушанный им разговор отца, в котором Пауль Юнг выражал озабоченность будущим сына в связи с его

болезненным состоянием, которое не могли объяснить даже врачи, заставил Карла осознать свою проблему и начать с ней бороться. Успех не заставил себя ждать, юноша избежал дальнейшего погружения в невроз, вернувшись к реальности, какой бы неприглядной она ему ни казалась.

Подростковый возраст Карла характеризовался трудностями в учебе (особенно ему не давалась математика) и конфликтами с одноклассниками, многие из которых, как он считал, ему завидовали. Но главной проблемой для юноши продолжала оставаться вера, вернее, неприятие христианских догматов, объясняющих окружающую действительность. В поисках альтернативных ответов на мучившие его вопросы, в первую очередь о природе зла, грехе и их роли в жизни людей, Карл по совету матери обратился к чтению «Фауста» Гёте, который, как вспоминал сам Юнг, «пролил бальзам на его раны». Вдохновленный «Фаустом», он заинтересовался трудами философов, и главным его открытием стал Артур Шопенгауэр. «Философ пессимизма» подтвердил смутные опасения Карла, что окружающая реальность отнюдь не так хороша, а люди не так добры, как говорил отец или он сам читал в Библии.

Если бы молодой Карл обладал теми навыками психолога, которые он приобретет в будущем, или был бы более осведомлен о жизни немецкого философа, возможно, он скептически отнесся бы к идеям человека, лишенного с детства материнской заботы и любви, боявшегося людей и всегда спав-

шего с оружием под подушкой, имевшего еще множество фобий, окрашивавших его мир в черный цвет. Всего этого молодой Юнг не знал и воспринимал многие идеи Шопенгауэра с энтузиазмом.

Весной 1895 года Карл Густав Юнг получил аттестат об окончании школы и выбрал в качестве будущей профессии медицину. Справедливости ради надо отметить, что в это время юношу интересовала археология, но денег на ее изучение у семьи не было – отец Карла тяжело болел. Через год Пауль Юнг скончался, успев перед этим выхлопотать сыну стипендию для учебы в Базельском университете.

По всей вероятности, Карл был усердным студентом, не тратившим время на увеселения, как его однокурсники. Он по-прежнему интересовался философией. Учитывая семейные легенды, вполне понятно, почему Карл увлекался работами шведского мистика Эммануила Сведенборга, который утверждал, что способен общаться с духами, и якобы даже контактировал с жителями других планет. К числу авторов, работы которых Карл с жадностью штудировал, относился немецкий врач и астролог Фридрих Месмер, чьи взгляды стали основой теории «месмеризма» – веры в то, что люди способны выделять особый вид энергии («животный магнетизм»), позволяющий им устанавливать телепатическую связь друг с другом. Месмер полагал, что в состоянии транса некоторые индивиды могут прозревать будущее или прошлое, способны диагностировать болезни и лечить их с по-

мощью собственных энергий.

Идеи этих мыслителей, дополняясь или перерабатываясь, в различных формах и связях между собой Юнг пронес через всю жизнь. Но самым важным открытием для него в студенческие годы стала книга Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра», в которой мысли о «сверхчеловеке» противопоставлялись библейским взглядам на отношения между людьми и Богом, а «вечное возвращение» – идее прогрессивного развития общества.

У всего есть причины, даже если человеку они не всегда известны. Видимо, под влиянием прочитанных книг, а также семейных историй о своих предках летом 1895 года Карл и несколько его родственников собрались вместе для первого в их жизни спиритического сеанса. Произошедшие в дальнейшем фантастические события были описаны в книге Стефани Замстейн-Прейсверк – племянницы одной из главных участниц сеанса, Хелен Прейсверк, кузины Юнга. Именно Хелли, как ее называли родственники, оказалась тем медиумом, через которого якобы общался с собравшимися дух деда Юнга – Самуила Прейсверка. В течение последующих месяцев было проведено несколько подобных сеансов, пока отец Хелли не запретил девушке в них участвовать.

«Столоверчение», как тогда назывались спиритические сеансы, возобновилось через несколько лет. В ходе новых встреч с душами мертвых, как вспоминали очевидцы, осенью 1898 года треснул стол, за которым сидели собравшиеся,

а также раскололась хлебoreзка (Юнг сохранил эти осколки как напоминание о тех неизвестных силах, которые были вызваны им и его кузиной). Однако вскоре сеансы прекратились окончательно. Главной причиной, о которой Юнг упоминал в своей автобиографии, стал тот факт, что Хелли начала имитировать общение с духами, то есть попросту лгать или фантазировать о том, что она слышала. Вполне вероятно, что причиной подобных действий девушки стала влюбленность в Карла и как следствие – ее желание быть для него интересной, для начала хотя бы как медиум. Юношу это желание девушки нисколько не тронуло, и он прервал контакты с Хелли. Он увиделся с ней еще один раз за несколько лет до ее смерти. Хелен Прейсверк умерла в 1911 году от туберкулеза.

Во время обучения в университете Юнг был убежден в способности людей общаться с бесплотными существами или представителями иных миров. По мнению Карла Юнга, в ходе спиритических сеансов он получал информацию из некоего источника, находившегося вне психики его кузины. Но возникал вопрос: как это объяснить? И здесь от «юношеского философствования», как Юнг это называл, он перешел к психологическому объяснению духовных феноменов, к области, где «взаимодействие природы и духа становилось реальностью».

Правда, его выбора в пользу психиатрии, состоявшегося на последнем курсе университета, не понял никто – ни пре-

подаватели, прочившие ему карьеру терапевта, ни сокурсники, посчитавшие его глупцом. Юнга это непонимание не остановило, и он подал заявление о принятии его на работу в качестве ассистента в психиатрическую клинику Бургхольцли в Цюрихе. 11 декабря 1900 года Карл Юнг впервые вошел в двери больницы и был радушно встречен ее главным врачом, профессором Эйгеном Блейлером, человеком, полностью посвятившим себя работе и требовавшим того же от своих подчиненных. Именно Блейлер, проводивший исследования психотических больных, стал автором терминов «шизофрения» (которая в то время даже именовалась «болезнь Блейлера») и «аутизм».

В автобиографии Юнг вспоминал: «Работа в клинике Бургхольцли наполнила мою жизнь новым содержанием, появились новые замыслы, заботы, укреплялось чувство долга и ответственности. Это был как бы постриг в миру, я словно дал обет верить лишь в возможное, обычное, заурядное; всё невозможное исключалось, всё необыкновенное сводилось к обыкновенному. С этого времени передо мной было лишь то, что на поверхности, только начала без продолжений, события без их внутренней связи, знания, ограничиваемые всё более узким кругом специальных вопросов. Мелкие неудачи вытеснили серьезные проблемы, горизонты сужались, духовная пустота и рутинность казались непреодолимыми. На полгода я сознательно заключил себя в этот монастырь. Познавая жизнь и дух психиатрической лечебницы, я от корки до

корки прочел все пятьдесят томов “Общего журнала по психиатрии”, чтобы ориентироваться в существовавшей на тот момент научной ситуации. Я хотел выяснить, как человеческий дух реагирует на собственные расстройства и разрушения, поскольку психиатрия казалась мне ярким выражением той биологической реакции, которая завладевала так называемым здоровым сознанием при контакте с сознанием расстроенным. Коллеги по работе казались мне не менее интересными, чем пациенты. Впоследствии я втайне обработал сводную статистику моих швейцарских коллег по наследственности, что способствовало моему пониманию психических реакций.

Моя крайняя сосредоточенность и добровольное заточение отдалили меня от коллег. Они не представляли, какой странной казалась мне психиатрия и как настойчиво я стремился проникнуть в ее суть. В тот период я еще не интересовался терапией, увлекшись патологией так называемой нормальности – это позволяло мне глубже проникнуть в человеческую психику. Именно так начиналась моя карьера в психиатрии – мой субъективный эксперимент, из которого и складывалась моя жизнь»⁵.

Уже в 1902 году Карл Юнг защитил диссертацию, в которой доказывал возможность приближения к пониманию феномена души с помощью анализа нетрадиционных практик и феноменов реальности – сомнамбулизма и спиритических контактов с духами. Последние были для Юнга отнюдь не

проявлением оккультизма, а феноменами психики, требующими своего объяснения с научных позиций. Он считал, что некоторые части бессознательного медиумов могут проявляться в их сознании в виде неких личностей, воспринимаемых людьми в качестве «духов».

Анализируя случай своей кузины Хелен Прейсверк, Юнг выделил несколько состояний, в которых находилась девушка – сомнамбулизм, частичный сомнамбулизм, автоматическое письмо и галлюцинации. Однако более значительным стал вывод о том, что «карьера» медиума, ее успешность на этом поприще позволяли бессознательному Хелен пытаться преодолеть социальные и психологические препятствия, мешавшие ее психическому развитию. Так Юнг сделал первые шаги в размышлении о том, что в дальнейшем стало его теорией индивидуации или саморазвития.

После успешной защиты диссертации Юнг отправился в командировку в Париж, где прослушал курс лекций известного французского психиатра Пьера Жане, того самого ученого, который впервые выделил психастению⁶ как отдельный вид невроза.

В 1903 году Юнг вернулся в Цюрих и 14 февраля женился на дочери богатого промышленника Эмме Раушенбах. Карлу тогда было 28, а ей 21 год, но знакомы они были уже около пяти лет. Юнг впервые увидел девушку, когда та выходила из известного цюрихского отеля, и он с абсолютной уверенностью сообщил сопровождавшему его другу, что она бу-

дет его женой. Так и случилось. После свадьбы молодожены провели медовый месяц на озере Комо, и Юнг позднее говорил одному из своих друзей, что он наконец-то был счастлив. Для подобного ощущения у Карла имелись не только платонические основания. Все финансовые проблемы Юнга остались в прошлом. Когда в 1905 году умер отец Эммы, то она и ее сестра вместе со своими мужьями стали совладельцами компании по производству элитных часов. Этот бизнес гарантировал безбедное существование Юнгам.

Однако после свадьбы пара осталась жить в клинике, заняв трехкомнатную квартиру в том же доме, где жил сам Блейлер. Эмма согласилась на это, понимая, что значит для мужа его работа. Она сама стала частью этого нового для нее мира, в котором ей будет уготована особая роль, а тогда, в год их свадьбы, все коллеги наперебой твердили Карлу, что он сделал правильный выбор. Эмма не только проявляла интерес к работе мужа, но и сама занялась аналитикой. Одной из тем, которой она посвящала свои исследования, стала знаменитая легенда о Граале. Эмма умерла в 1955 году, почти на шесть лет раньше мужа. По свидетельствам очевидцев, на ее похоронах он повторял одни и те же слова: «Она была королевой! Она была королевой!»⁷

В 1905 году Юнга назначили первым заместителем главного врача клиники, а также он получил должность приват-доцента в Цюрихском университете. Служебное положение теперь позволяло ему быть более свободным в примене-

нии новых методов лечения пациентов, а значит, развиваться как исследователю. Свою преподавательскую деятельность он начал с чтения двух курсов – психотерапии и лечения истерии. Оба этих курса были наполнены примерами из больницы практики Юнга. Некоторых своих пациентов он даже приглашал в качестве «наглядных примеров» в лекционную аудиторию.

Главным методом, который Юнг разрабатывал в то время, стал так называемый словесный ассоциативный тест. Появление этого метода связано с именем Фрэнсиса Гальтона, основателя дифференциальной психологии. В своих воспоминаниях Юнг отмечал: «В психиатрии пациент нередко скрывает свою историю. Для меня же собственно терапия начинается с изучения этой – очень личной – истории. Ибо в ней заключена самая тайна, которая явилась причиной болезни и разрушила психику. Если я открою ее, то получу ключ к лечению. Иными словами, задача врача заключается в том, чтобы узнать историю пациента, причем он может задавать вопросы, касающиеся личности пациента в целом, а не только симптомов его болезни. Нередко того, что лежит на поверхности сознания, оказывается мало. А ассоциативный тест может открыть какой-нибудь ход».

В 1906 году Юнг опубликовал первую работу, посвященную этому тесту. Позднее, в «Тавистокских лекциях», он описал возможности ассоциативного теста на примере из личной практики: «Эксперимент прост: я читаю перечень из

ста хорошо знакомых слов, а тестируемый человек должен как можно быстрее отреагировать на каждое произнесенное мной слово другим словом, своим. Объясните пациенту, что от него требуется произнести первое пришедшее ему в голову слово. Фиксируйте время каждой реакции с помощью секундомера. Эксперимент после первого чтения повторяется снова. Вы повторяете слова-стимулы, и испытуемый должен воспроизвести свои предыдущие ответы. В некоторых случаях его память дает “осечку” и воспроизведение оказывается с другим значением либо вовсе затрудненным. Подобные сбои очень важны для исследователя. <...> Но именно ошибки, допущенные тестируемым, помогут вам кое-что узнать. Вы произносите элементарное слово, знакомое даже ребенку, а высокообразованный человек не может вам ответить. Почему? Просто это слово натолкнулось на то, что я называю комплексом. Комплекс – скопление психических характеристик, отмеченных специфическим, возможно, болезненным, чувством. Комплекс – это то, что обычно тщательно скрывают. И тут словно острая молния пронзает толстый слой персоны и попадает в темный пласт сознания. Человек с комплексом денег, например, запнется на словах “покупать”, “деньги”, “платить”.

Мы столкнулись более чем с двенадцатью различными типами нарушений реакции. <...> Нарушения могут быть иного характера: реакция более чем одним словом; реакция не словесная, а выраженная мимикой, это может быть смех,

движения тела, покашливание, заикание и т. д.; ассоциация может не соответствовать реальному значению стимулирующего слова; использование одних и тех же слов; использование иностранного языка; неправильное воспроизведение, когда память не срабатывает в повторном эксперименте, а также полное отсутствие реакции. <...>

Тест был проведен со здоровым мужчиной тридцати пяти лет. Замечу, что я провел немало экспериментов с обычными людьми до того, как научился делать выводы из патологического материала. <...> Итак, это был “нож”, который вызвал четыре нарушенные реакции. Следующими словами-раздражителями были “копье”, “ударить”, “острый”, “бутылка”. Мне было вполне достаточно небольшой серии из пятидесяти слов, чтобы сказать: “Я не думал, что с вами могла случиться такая беда. Помните, вы были пьяны и ножом убили человека...” Потрясенный, он во всём мне признался. Этот человек был из респектабельной семьи. Будучи за границей, он попал в пьяную ссору, в которой ножом убил человека. Он просидел год в тюрьме, но скрывал это, ибо не хотел осложнять себе жизнь»⁸.

О результатах некоторых ассоциативных экспериментов Карл Юнг сообщил в 1906 году в первом письме Зигмунду Фрейду. К тому моменту он уже был знаком с работами основателя психоанализа и безусловно признавал его значение для развития психиатрии. Юнга привлекала фрейдовская идея о вытеснении в бессознательное травмирующего

опыта пациента – с подобным явлением Юнг часто встречался в своей практике, когда в ходе проведения ассоциативного теста человек не мог отреагировать на какое-либо слово. В то же время Юнг не разделял убеждений Фрейда о том, что вытесняются в бессознательное только сексуальные травмы. Его практика в клинике демонстрировала вариативность проблем, которые отказывалось принимать сознание пациентов, и они отнюдь не сводились к одной сфере.

В феврале 1907 года Фрейд и Юнг впервые встретились в Вене и общались без перерыва 13 часов. Юнг был впечатлен умом и нетривиальным подходом основателя психоанализа, попав под его интеллектуальное влияние. В дальнейшем, вплоть до 1913 года, между двумя исследователями продолжалась очень интенсивная и достаточно откровенная переписка, из которой вполне очевидно, что Фрейд стал играть для Юнга роль отца, такого, о котором тот мечтал. Что касается Фрейда, то некоторое время он даже видел в Юнге своего преемника. В письмах также обсуждались отдельные случаи в работе с пациентами, вопросы теории психоанализа и его взаимосвязи с мифологией, антропологией и оккультизмом. В одном из писем Фрейд писал: «Дорогой друг! Надеюсь, это письмо не скоро попадет Вам в руки. Вы меня понимаете. Я пишу только для того, чтобы не дать остыть пробужденному Вами вдохновению. Поскольку я считал, что Вы уже отправились на велосипеде по Северной Италии, я послал Вашей жене открытку из Венеции, куда я поехал на Пас-

ху в тщетном ожидании преждевременно обрести дыхание весны и отдых.

Примечательно, что в тот самый вечер, когда я формально признал Вас в качестве старшего сына и помазал Вас в наследники и кронпринцы, Вы в свою очередь совлекли с меня достоинство отца, каковое разоблачение Вам, кажется, столь же пришлось по душе, как мне – облачение Вашей особы. Ныне я боюсь вновь превратиться в отца, если заговорю о своем отношении к полтергейсту, однако я должен это сделать, поскольку всё обстоит иначе, чем Вы можете предположить. Я не отрицаю, что Ваши сообщения и Ваш эксперимент произвели на меня сильное впечатление. Я решил понаблюдать после Вашего отъезда и излагаю Вам результаты. В первой моей комнате громкий скрип там, где две тяжелые египетские стелы покоятся на дубовых полках книжного шкафа, так что это вполне ясно. Во второй, там, где мы слышали, скрипит очень редко. Сперва я считал достаточным доказательством, если столь частый шорох никогда больше не повторится после Вашего отъезда, однако он изредка возобновлялся, правда, вне всякой связи с моими мыслями и вовсе не тогда, когда я думал о Вас или об этой Вашей любимой проблеме (и сейчас его нет, добавлю сразу же). Однако другое наблюдение тут же лишило ценности первое. Вместе с чарами Вашего присутствия рассеялась и моя вера или, по крайней мере, готовность верить; мне вновь по каким-то внутренним мотивам кажется совершенно невероят-

ным, чтобы могло происходить нечто в подобном роде, и лишенная духов мебель глядит на меня, точно на поэта обезбоженная природа, которую покинули греческие боги. Итак, я вновь надеваю роговые отцовские очки и наставляю любимого сына сохранять ясность рассудка, и лучше недопонять чего-либо, чем приносить столь великие жертвы во имя понимания; я качаю седой головой над идеей психосинтеза и размышляю: да, таковы они, эти юноши, подлинную радость доставляют им лишь те области, куда они не должны вести нас за собой, куда мы уже не поспеем со своим коротким дыханием и усталыми ногами...»⁹ В течение восьми лет переписки было написано 263 письма, которые в полной мере демонстрируют не только развитие научных взглядов исследователей на проблемы психоанализа, но и эволюцию их отношений.

Уже в сентябре 1907 года Юнг выступал на Международном конгрессе психиатрии и неврологии в Амстердаме, представляя проблему истерии с позиций психоанализа, за что был подвергнут серьезной критике со стороны коллег, не принимавших взгляды Фрейда. В основе этого доклада лежал случай молодой девушки из России Сабины Шпильрейн. Позднее она тоже стала известным психологом, чьи работы явились весомым вкладом в развитие идей психоанализа.

Сабина родилась в Ростове-на-Дону 25 октября 1885 года в семье еврейского купца. Смерть младшей сестры стала катализатором для шестнадцатилетней Сабины, оказав влия-

ние на развитие нервно-психического расстройства, в основе которого лежали нездоровые семейные отношения. Отец не только предъявлял чрезмерные требования к своим детям в плане обучения и воспитания, но и жестоко наказывал их за невыполнение его распоряжений. Мать же, будучи женщиной истеричной и неудовлетворенной своим браком, вымещала злобу на детях.

Психическое состояние Сабины Шпильрейн к 1904 году стало крайне тяжелым. Девушка могла в течение длительного времени не общаться с близкими, отвечая им лишь нечленораздельными звуками и гримасами. Вместе с тем она страдала от навязчивых идей, кошмаров, тиков, шокировала окружающих эксцентрическим поведением. Ее настроение было крайне неустойчивым – плач неожиданно сменялся истеричным смехом. Сабина жаловалась на сильные головные боли, не переносила даже малейшего шума и болезненно реагировала на присутствие посторонних людей. Было принято решение вывезти ее в Швейцарию. После пребывания в санатории в Интерлакене в августе 1904 года, где ей поставили диагноз шизофрения, Сабина была направлена в Бургхольцли. Там ее лечащим врачом стал Карл Юнг.

Принято считать, что именно к Шпильрейн Юнг впервые на практике применил психоанализ, сосредоточившись на проработке ее навязчивых фантазий и переживаний, поставив ей диагноз «тяжелое истерическое расстройство». По всей вероятности, Юнг применял психоаналитические мето-

ды лишь отчасти, отказавшись, например, от метода свободных ассоциаций и заменив его ассоциативным тестом. Главным же фактором, повлиявшим на улучшение состояния Сабина, оказались не психоаналитические методики, а отношения с врачом. Уже в июне 1905 года курс терапии был успешно завершён. Однако Сабина Шпильрейн влюбилась в своего психотерапевта. Возникшие чувства, а позднее и отношения в истории психологии станут классическим примером переноса – бессознательного трансфера ранее пережитых эмоций и переживаний, проявлявшихся в отношении одного лица, на другого человека, и контрпереноса – аналогичного процесса, возникающего у терапевта в отношении клиента.

В мае 1905 года Юнг написал Фрейдю краткий отчет о случае Шпильрейн, в котором среди прочего значилось: «...В ходе лечения пациентку угораздило влюбиться в меня. Она постоянно потчует мать ужасными небылицами об этой любви, и отнюдь не последним поводом к тому является тайное злорадство, которое она испытывает, запугивая мать. Поэтому ее мать готова в случае необходимости передать ее на попечение другого врача, с чем я, естественно, согласен»¹⁰.

Тем не менее взаимоотношения Шпильрейн с Юнгом сначала были ученическими. Сабина поступила на медицинский факультет Цюрихского университета, а в 1911 году защитила диссертацию под руководством Юнга и Блейлера, посвященную психоаналитическому методу в исследовании

шизофрении, и стала первой женщиной, получившей ученую степень в этой области.

В конце концов между бывшей пациенткой и врачом возникла интимная связь, о которой известно по переписке Юнга и Шпильрейн. Сабина даже хотела родить Карлу Юнгу ребенка и назвать его Зигфридом (очевидно, под влиянием обоюдного увлечения Вагнером). При этом жена Юнга Эмма в эти годы родила ему пятерых детей. В 1904-м родилась Агата, в 1906-м – Анна, в 1908-м – Франц, в 1910-м – Марианна, а в 1914-м – Эмма.

Близость между Юнгом и Шпильрейн стала достоянием общности летом 1909 года, когда мать Сабина стала получать анонимные письма, вполне вероятно, от супруги Юнга, в которых говорилось о романе ее дочери. В это же время сама Шпильрейн писала Фрейду, возможно, надеясь, что он поможет разрешить сложившуюся ситуацию: «Дорогой профессор Фрейд. <...> Я мечтаю расстаться с ним, сохранив любовь. Я имею опыт анализа, достаточно хорошо знаю себя и уверена в том, что мне будет лучше любить à distance. Сдерживать свои чувства я не могу, поскольку, отказавшись от любви к Юнгу, я вообще утрачу способность любить... Профессор Фрейд, я далека от того, чтобы обвинять Юнга, опережая Вас! Как раз напротив: я буду счастлива, если кому-нибудь удастся доказать мне, что он достоин любви, что он не подлец. <...> Что ж, жалобы на вероломного любовника не помогут... Четыре с половиной года назад док-

тор Юнг был моим врачом, потом стал моим другом и, наконец, моим “поэтом”, т. е. возлюбленным. В конце концов, он пришел ко мне, и случилось то, что всегда случается с “поэмами”. Он проповедовал идею полигамии, он уверял, что его жена не будет возражать, и т. д. И вот моя мать получает анонимное письмо, в котором сказано без обиняков, что ей пора спасать свою дочь, иначе ее погубит доктор Юнг... Я хранила молчание... Есть основания подозревать его жену... Моя мать послала ему трогательное письмо... умоляла его не заходить в отношения дальше дружбы. Он ей ответил: “Будучи ее врачом, я могу стать ее другом, если перестану игнорировать собственные чувства. Я мог бы с легкостью отказаться от роли врача, поскольку в профессиональном смысле не ощущаю себя должником, ведь я никогда не требовал вознаграждения... Поэтому предлагаю: если вы твердо решили отвести мне роль врача, вам следует оплачивать мои услуги, дабы должным образом компенсировать мои хлопоты... Я беру 10 франков за консультацию. Советую вам остановить свой выбор на этом прозаическом решении, поскольку оно представляется наиболее благоразумным и необременительным для будущего”... Каким ужасным оскорблением должно было показаться это моей матери»¹¹.

Разразившийся скандал, по мнению некоторых исследователей, стал едва ли не главной причиной ухода Юнга из клиники. Его переписка со Шпильрейн продолжалась еще несколько лет (с 1916 по 1919 год), но носила деловой харак-

тер. Что же касается Сабина, то в 1912 году в журнале психоаналитических исследований, выходившем под редакцией Фрейда, она опубликовала статью «Деструкция как причина становления», принесшую ей известность. В частности, она пришла к выводу, что садистический компонент сексуального влечения является «деструктивным». Таким образом, она предвосхитила идеи самого Фрейда, высказанные им позднее в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920 год). Если до этого родоначальник психоанализа противопоставлял влечение к смерти влечению к жизни, то после работы Шпильрейн он сделал вывод, что в основе их обоих лежит принцип удовольствия – они приносят разрядку, а значит, их нельзя представлять как противоположные.

Став одной из первых женщин-психоаналитиков, Сабина Шпильрейн переехала в Вену, где была принята в Венское психоаналитическое общество, возглавляемое Фрейдом. Это произошло на том же заседании, на котором из общества были исключены Альфред Адлер и его соратники (речь о них пойдет в дальнейшем). В 1921 году Сабина Шпильрейн была психоаналитиком будущего создателя теории когнитивного развития Жана Пиаже. Правда, сеансы не были ни терапевтическими, ни учебными. Пиаже согласился в них поучаствовать для того, чтобы поддержать распространение психоаналитических идей в Женеве. Но именно в том году, когда Шпильрейн занималась с ним психоанализом, Пиаже опубликовал первую статью о существовании

эгоцентрической речи у ребенка¹².

В 1923 году Шпильрейн вернулась в Советскую Россию. Однако после разгрома психоаналитического общества в 1930 году дело ее жизни фактически было прекращено. В августе 1942 года трагически оборвалась и сама жизнь – во время оккупации нацистами Ростова Сабина Шпильрейн была расстреляна в Змиевской балке.

В 1907 году у Юнга вышла в свет первая монография «Психология *Dementia praecox*»¹³, посвященная лечению больного психозом с помощью «глубинной психологии». Юнг пришел к выводу, что в основе шизофрении находится некий вариант комплекса, задерживающего умственное развитие человека и проявляющегося в сознании в формах маниакальных идей, галлюцинаций или бреда. Это его исследование положило начало психосоматической теории шизофрении, и в дальнейшем психолог подчеркивал особую роль в появлении этой болезни нарушений нейрохимических процессов в мозге. Работа Юнга, по всей вероятности, оказала влияние на его руководителя Эйгена Блейлера, который спустя несколько лет предложил собственное определение термина «шизофрения».

Взросшее научное признание Юнга (он стал первым президентом Международной психоаналитической ассоциации, редактором первого психоаналитического журнала «Ежегодник психоаналитических и психопатологических исследований») привело в числе прочего и к увеличению количества

людей, обращающихся к нему за консультациями. В 1910 году он оставил работу в клинике и начал частную практику в своем новом доме в Кюснахте, на берегу Цюрихского озера. За год до этого Юнга вместе с Фрейдом и несколькими другими известными психологами даже пригласили в США на празднование юбилея университета Кларка.

Однако со временем между ним и Фрейдом стали возникать разногласия. В числе первых расхождений в их взглядах оказалась трактовка проблемы либидо. В отличие от родоначальника психоанализа, Юнг понимал под ним всю психическую энергию человека, а не только ее сексуальную форму. Он также считал, что в основе психических расстройств, например шизофрении, лежат вытеснения разного рода, а не только подавленная сексуальность. В то время как Фрейд был убежден, что невроз зарождается в раннем детстве и связан с так называемым «эдиповым комплексом», Юнг, напротив, делал акцент на ведущей роли в формировании невроза пациента той реальности и тех переживаний, которые существуют в момент появления расстройства. Для Карла Юнга невроз был одним из механизмов, запущенных психикой с целью собственной регуляции, для достижения ее равновесия, чтобы избежать психоза. В то же время невроз является сигналом, предупреждающим человека о необходимости изменения жизни, отношения к ней, установок и взглядов на мир и на свое место в нем.

В декабре 1912 года Юнг написал письмо, в котором выра-

зил свое несогласие с позицией Фрейда: «Дорогой господин профессор! Могу я сказать Вам несколько серьезных слов? Я признаюсь в некоторой неуверенности в Вас, однако стараюсь решать ситуацию в честной и абсолютно корректной манере. Если Вы в этом сомневаетесь, это Ваш собственный крест. Я, однако, хотел бы обратить Ваше внимание на то, что Ваш метод обращаться с учениками, словно с пациентами, является ошибочным. Кроме того, Вы воспитываете раболепных сыновей или наглых баловней (Адлер – Штекель и вся наглая банда, захватившая Вену). Я достаточно объективен, чтобы разглядеть Ваш трюк. Повсюду вокруг себя Вы распознаете симптомы и назначаете лечение, тем самым Вы определяете всему своему окружению зависимое положение сыновей и дочерей, которые, краснея, признают наличие дурных наклонностей. А Вы пока что остаетесь наверху в качестве отца. В полной покорности никто не смеет ухватить пророка за бороду и разочек поинтересоваться, что Вы скажете пациенту, у которого обнаружится тенденция анализировать аналитика вместо самого себя. Видимо, Вы ответите ему: “У кого из нас, собственно, невроз?”

Видите ли, дорогой мой господин профессор, покуда Вы забавляетесь такими приемами, все мои симптомы представляются мне полной ерундой, поскольку они ничего не значат по сравнению с весьма крупным бревном в глазу у брата моего Фрейда. Ведь я вовсе не невротик (чтоб не сглазить). А именно, по всем правилам искусства и с полным смире-

нием я дал себя проанализировать, что мне весьма пошло на пользу. Вы же знаете, как далеко заходит пациент в самоанализе – из невроза он не выходит, как Вы. Когда Вы сами наконец полностью избавитесь от комплексов и перестанете разыгрывать отца своих сыновей, которых Вы постоянно бьете по больному месту, и доберетесь до самых своих корней, тогда я загляну в себя и искореню тяжкий разлад с самим собой по отношению к Вам. Или Вы так любите невротиков, что всегда были в ладу с собой? Вероятно, Вы ненавидите невротиков, как Вы можете тогда рассчитывать, что Ваши устремления как можно бережнее и ласковее обращаться с пациентами не будут сопровождаться несколько смешанными чувствами? Адлер и Штекель воспользовались Вашим приемом и сделались по-детски наглыми. Я буду держаться с Вами откровенно, сохраняя свои взгляды, и начну в своих письмах готовиться к тому, чтобы однажды сказать Вам, как я на самом деле о Вас думаю. Этот путь представляется мне наиболее порядочным. Вас рассердит эта своеобразная дружеская услуга, но, возможно, она всё же пойдет Вам на пользу. С наилучшими пожеланиями вполне преданный Вам Юнг»¹⁴. В январе 1913 года они обменялись письмами, в которых предлагали друг другу полностью прекратить личные отношения. В октябре 1913 года Юнг вышел из психоаналитической ассоциации, отказался от обязанностей редактора «Ежегодника психоаналитических и психопатологических исследований» и должности приват-доцента в Цю-

рихском университете.

Разрыв с Фрейдом Юнг переживал крайне болезненно. Для него это был серьезный удар, который привел к глубокому нервному расстройству. Он начал слышать голоса, ходил по дому, погрузившись в себя и не замечая окружающих. Свой новый опыт Юнг не мог объяснить: «В октябре, когда я путешествовал в одиночестве, меня посетило неожиданное видение – чудовищный поток, накрывший все северные земли. Он простирался от Англии до России, от Северного моря до подножий Альп. Когда же он приблизился к Швейцарии, я увидел, что горы растут, становятся всё выше и выше, как бы защищая от него нашу страну. Передо мной развернулась картина ужасной катастрофы: я видел могучие желтые волны, несущие какие-то обломки и бесчисленные трупы, потом это море превратилось в кровь. Видение длилось около часа. Я был потрясен, мной овладели дурнота и стыд за мою слабость. Спустя две недели видение – более кровавое и страшное – повторилось. Тогда же я услышал, как некий внутренний голос произнес: “Смотри, вот что произойдет!”

Помнится, что зимой кто-то поинтересовался, каков мой прогноз на ближайшее будущее. Я ответил, что у меня нет прогнозов, но что я видел потоки крови. Это видение не давало мне покоя. Задавая себе вопрос, не является ли мое видение предвестником грядущих революционных событий, я всё же не мог представить себе ничего подобного и решил, что это касается только меня, что мне угрожает психоз.

Мысль о войне даже не приходила мне в голову»¹⁵.

Следующие шесть лет (1913–1918 годы) для Карла Юнга стали периодом «внутренних колебаний», о котором он писал в своих мемуарах, что «будто бы утратил всякие ориентиры и не мог нащупать почву под ногами». Юнг решил начать погружение в собственное бессознательное с помощью различных техник, в частности специального метода «активного воображения», когда необходимо было вести диалог со своим внутренним голосом, останавливая критическую функцию сознания. Юнг столкнулся с мощным потоком фантазий и образов, хлынувших в сознание: «Во мне поселился некий демон, с самого начала внушавший, что я должен добраться до смысла своих фантазий. Я испытал ощущение, что некая высшая воля направляла и поддерживала меня в этом разрушительном потоке бессознательного. И она же в итоге дала мне силы выстоять»¹⁶.

Поворотным моментом в процессе погружения Юнга в глубины психического стало следующее видение: «Для того чтобы удержать фантазии, я часто воображал некий спуск и однажды даже попытался дойти до самого низа. Сначала я будто бы спустился метров на триста, но уже в следующий раз оказался на некой космической глубине. Это напоминало путешествие на Луну или погружение в пропасть. Сначала возник образ кратера, и мне почудилось, будто я нахожусь в стране мертвых. Под скалой я увидел двоих – седобородого старика и прекрасную девушку. Я приблизился к ним, слов-

но они были реальными людьми, и стал прислушиваться к их беседе. Старик ошеломил меня, заявив, что он Илья-пророк. Но ответом девушки я был просто возмущен – она назвала себя Саломеей! Девушка была слепой. Что за странная пара: Саломея и Илья-пророк. Но старик заверил, что они вместе уже целую вечность, и это меня окончательно сбilo с толку. С ними жила какая-то черная змея, которая, похоже, отнеслась ко мне благожелательно. Я старался держаться ближе к старику – он выглядел наиболее разумным и здравомыслящим из всей этой компании. К Саломее же я никакого доверия не испытывал. С Ильей мы вели долгие беседы, смысл которых, однако, ускользал от меня. <...>

Несколько позже мое бессознательное явило мне другой образ, он стал развитием и продолжением Ильи-пророка. Я назвал его Филемоном. Будучи язычником, Филеон привнес в мои фантазии некое египетско-эллинское настроение с оттенком гностицизма. Образ этот впервые явился мне во сне. Я видел небо, но оно походило на море. Его покрывали не облака, а бурые комья земли, между которыми просвечивала голубизна морской воды, но эта вода была небом. Вдруг откуда-то справа ко мне подлетело крылатое существо – старик с рогами быка. В руках у него была связка ключей, один из них он держал так, будто собирался открывать замок. Окрас его крыльев напоминал крылья зимородка. <...>

Филеон и другие образы фантазий помогли мне осознать, что они, возникнув в моей психике, созданы тем не

менее не мной, а появились сами по себе и живут своей собственной жизнью. Филемон представлял некую силу, не тождественную мне. Я вел с ним воображаемые беседы. Мой фантом говорил о вещах, которые мне никогда не пришли бы в голову. Я понимал, что это произносит он, а не я. Он объяснил, что мне не следует относиться к своим мыслям так, будто они порождены мной. “Мысли, – утверждал он, – живут своей жизнью, как звери в лесу, птицы в небе или люди в некой комнате. Увидев таких людей, ты же не заявляешь, что создал их или что отвечаешь за их поступки”. Именно Филемон научил меня относиться к своей психике объективно, как к некой реальности.

Беседы с Филемоном сделали для меня очевидным различие между мной и объектом моей мысли. А поскольку он являлся именно таким объектом и спорил со мной, я понял, что есть во мне нечто, объясняющее вещи, для меня неожиданные, которые я не готов принять. Психологически я воспринимал Филемона как некий высший разум. Он казался мне фигурой таинственной, временами совершенно реальной»¹⁷.

В своих воспоминаниях Юнг описывает таинственные события, которые происходили в дальнейшем. Его дочери рассказывали о привидениях, которые они видели, а маленькому сыну приснился кошмар, который он нарисовал на бумаге. На картинке изображен рыбак, над его головой возвышается труба, из которой вырываются языки пламени и дым. С

берега реки к нему летит дьявол с проклятиями за то, что рыбак украл у него рыбу, а над самим рыбаком парит ангел и говорит: «Ты не повредишь ему, он ловит только плохую рыбу!»

Апофеозом всего происходящего стали события 1916 года, когда в одно из воскресений Юнг якобы столкнулся с духами, наполнившими дом, и на его вопрос: «Бог мой, что же это такое?» – призраки ответили: «Мы вернулись из Иерусалима, там мы не нашли того, что искали». Эти слова Карл Юнг сделал началом произведения «Septem Sermones ad Mortuos» («Семь проповедей мертвецам»), которое он написал за три вечера и опубликовал анонимно, приписав его авторство гностику Василиду из Александрии. В это время Юнг в принципе уделял всё больше внимания гностическим учениям, считая, что они получали знания из того же источника, откуда и он черпал представления о бессознательном. В дальнейшем он стал характеризовать свою психологическую концепцию как современный вариант гностицизма.

В эти же годы Юнг начал писать «Красную книгу» (хотя сам он ее называл «Новая книга» от лат. «Liber Novus») – мистический трактат, описывавший возникавшие у него фантазии и образы и представлявший собой фолиант, переплетенный в красную кожу. Он работал над книгой в течение шестнадцати лет, скрупулезно записывая или зарисовывая свои прозрения.

С точки зрения психиатрии у Юнга на фоне кризиса сред-

них лет была некая форма психического расстройства. С позиции христианства духовный опыт, полученный Юнгом, однозначно имел инфернальный источник. Человеку с христианским мировоззрением погружение психолога в глубины собственного бессознательного, встреча там с некими силами, которые сам Юнг именовал «демонами», представлялись путешествием в преисподнюю.

Карл Юнг сознательно отказался от объяснений, всё происходившее носило для него совсем иной смысл: «По иронии судьбы я, психиатр, на каждом шагу обнаруживал в себе тот самый материал, который лежит в основе психозов и с которым можно столкнуться разве что в сумасшедшем доме. Это был мир бессознательных картин и образов, приводивший душевнобольных к роковому безумию. Но в нем же содержались некие мифологические формы, которые нашим рациональным веком уже утрачены»¹⁸. Полученный Юнгом опыт стал основой будущей системы аналитической психотерапии и его представлений о структуре психического.

В своих мемуарах Юнг отмечал, что сохранить сознание в течение этих кризисных лет и опытов над собой позволили семья и работа. Он не уточнял, что подразумевает под общепринятым словом «семья», и мы могли бы логично предположить, что это его супруга Эмма и дети. Однако всё было совсем не так. Еще в 1910 году его пациенткой стала Тони Анна Вольф, которой к тому моменту исполнилось 22 года. После смерти отца Тони впала в депрессию, и ее мать не на-

шла ничего лучше, чем отвести дочь к известному в Цюрихе психиатру Карлу Юнгу. Юнг был впечатлен ее интеллектом и обширными знаниями в области религии и философии, о чем написал Фрейд.

В 1911 году терапия была завершена. Однако Вольф и Юнг не спешили расставаться друг с другом. Тони стала участником кружка учеников Юнга и очень быстро продемонстрировала навыки одаренного психоаналитика. По всей вероятности, в 1913 году, как раз в период кризиса, Юнг вступил с Вольф в интимные отношения и в дальнейшем стал называть ее «второй женой». Будучи постоянным гостем дома Юнгов, Тони посещала вместе с Эммой и Карлом различные общественные мероприятия и научные собрания.

Некоторые биографы Юнга утверждают, что именно Тони Вольф помогала ему пройти этот период столкновения со своим бессознательным, являясь его проводником на сложном пути возвращения к самому себе. Она была первой, с кем он стал делиться возникавшими видениями и мыслями, положенными в основу «Красной книги». Более тридцати лет Вольф являлась ближайшим соратником Юнга, занимаясь редактированием и распространением его произведений, а также преподавая аналитическую психологию.

В начале 1930-х годов Юнг увлекся текстами алхимиков, которые, по его мнению, также занимались интерпретацией символов бессознательного: «Опыт алхимиков был в каком-то смысле моим опытом, их мир был моим миром. Это

было, конечно, важным открытием: я наткнулся на историческую копию моей психологии бессозательного. Возможность сравнения [моих идей] с алхимией и непрерывная интеллектуальная связь, восходящая к гностицизму, стали содержанием моей психологии»¹⁹. Тони Вольф отказалась помогать ему в изучении алхимических текстов. Возможно, она боялась, что подобные эксперименты могут превратить Юнга в маргинала в научном сообществе, а возможно, всё же сохранила связь с христианской традицией и не смогла переступить через свои убеждения. Юнга это несколько не смутило, и он, поддерживая формальные отношения с Вольф, нашел других соратниц в своем деле. Когда в 1953 году Тони Вольф скончалась, Юнг не пришел попрощаться с ней. Его ученицы отмечали, что он был разбит горем, однако могилу Вольф посетила только его официальная жена Эмма.

Пациентки Юнга вообще играли особую роль в его жизни. Помимо Тони Вольф в разные годы в его ближний круг, который даже получил ироничное прозвище у коллег по цеху «Юнгфрауен»²⁰, что означало «женщины Юнга», входили Иоланда Якоби, Мари-Луиза фон Франц, Барбара Ханна, Эстер Хардинг, Аниэла Яффе, Кристин Манн и Хильда Кирш.

«Поначалу участниками юнговских мистерий, точно так же как и в случае с древними культами Диониса, становились в основном женщины. Мучимые духовным томлением, лишенные в рамках иудео-христианской веры какого-либо вли-

нения и власти, доведенные до экстаза десятилетиями, проведенными на спиритических сеансах и за теософскими текстами, многие иностранки покидали свои дома и поселялись в Швейцарии во имя того, чтобы быть неподалеку от Карла Густава Юнга. Юнг был их «новым светом», их духовным советчиком и пророком, швейцарским врачом и ученым, который к тому же еще и являлся учителем оккультной мудрости и волшебства. Они пришли к Юнгу затем, чтобы исцелиться самим и научиться исцелять других с помощью воображаемого контакта с трансцендентным царством богов и богинь»²¹.

Каким же образом у Карла Юнга возникли идеи полигамии, приверженцем которых он был на протяжении большей части жизни? Биографы Юнга считают, что подобные идеи появились у него под влиянием Отто Гросса – сначала соратника Юнга по психоаналитическому движению, а позднее его пациента. Довольно оригинально охарактеризовал Гросса исследователь жизни и творчества Карла Юнга Р. Нолл: «Он был врачом-ницшеанцем, психоаналитиком-фрейдистом, анархистом, высокопоставленным жрецом сексуального освобождения, мастером оргий, врагом патриархата, а также безудержным потребителем кокаина и морфия. Его любили и ненавидели с одинаковой силой, для одних он был источником заразы, а для других – целителем. Он был рыжевато-белым Дионисом»²².

Юнг и Гросс познакомились в 1907 году на конгрессе по

нейропсихологии и в тот момент не сошлись во взглядах. Гросс был лично неприятен Юнгу, о чем в психоаналитических кругах знали все. Тем не менее, когда в следующем году Гросс поступил в клинику Бургхольцли для лечения от наркомании (с этой проблемой он уже проходил курс в цюрихской клинике в 1904 году, но безрезультатно), его лечащим врачом стал именно Карл Юнг. Случилось это не без протекции Фрейда, который уважал Отто Гросса и желал сохранить в рядах психоаналитиков такого, как ему казалось, выдающегося исследователя.

Заметки Юнга о лечении Гросса воссоздают все сложности этого процесса. В один из первых дней курса терапии Юнг записал: «...пока опиума употребляется не больше шести граммов в день. В самую первую ночь пациент устроил ужасную сцену, говоря, что не может переносить ночью никакого света. Затем он сказал, что должен уходить и что его нужно немедленно отпустить. С величайшей подавленностью он сказал, что кто-то его здесь запер. Ежедневный многочасовой анализ». Через несколько дней Юнг зафиксировал, что «доза опиума понизилась до трех граммов в день» – «без всяких значительных симптомов отвыкания» и «при продолжающемся анализе... <...> благодаря ежедневным напоминаниям он хотя бы по разу в день моет руки и перестал пачкать свою одежду пищей и пеплом от сигарет. Во время, свободное от анализа, он не занимается ничем, кроме рисования младенческих картинок. Он рисует

“движение” не то чтобы скверно, а явно как дилетант»²³. Через несколько недель интенсивной терапии, сокращения дозы наркотиков и постепенной замены их кодеином²⁴ Гросс прекратил употребление опиума. Однако его психическое состояние было крайне нестабильным: резкие перепады настроения, сильное возбуждение не свидетельствовали о выздоровлении. В итоге Гросс бежал из клиники и был обнаружен через несколько дней в параноидальном состоянии, полностью отрешенным от мира. Юнг не только не смог излечить своего бывшего коллегу, поставив ему окончательный диагноз «шизофрения», но и, возможно, навредил его здоровью.

Помимо прочего, психоаналитическое общение Юнга и Гросса заключалось еще и в том, что Юнг не только анализировал Гросса, но и сам выступал анализантом для своего бывшего коллеги. Именно этот обратный процесс, по всей вероятности, и изменил взгляды Юнга на отношения между мужчиной и женщиной, сделав его адептом идеи полигамии – важнейшего института, как считал Гросс, происходящего от наших биологических предков и позволяющего сломать одну из «репрессивных» норм общества – брак, а значит, вернуть утраченное психическое здоровье. В дальнейшем Юнг и сам практиковал этот принцип и рекомендовал полигамию своим пациентам в качестве своеобразного лекарства.

А Отто Гросс так никогда и не излечился от наркоти-

ческой зависимости, хотя еще несколько раз проходил курсы лечения. Он умер в 1920 году от пневмонии полностью опустившимся человеком. В тот год Юнг совершил поездки в Алжир и Тунис, заинтересовавшись неевропейскими культурами. В 1921 году в свет вышла одна из самых известных его работ «Психологические типы», где он анализировал не только психотипы, но и содержание бессознательного.

Личный кризисный опыт, пережитый Юнгом, проявившийся сначала в погружении в себя и практически в полном отказе от контактов с окружающим миром, а затем трансформировавшийся в возвращение к действительности, подтолкнул его к выводу, что у человека имеются две базовые установки – интроверсия и экстраверсия. Интроверсивная установка характеризует людей, получающих мотивацию для деятельности в самих себе, в то время как экстраверсивная установка отличает тех индивидов, которые находят мотивацию во внешних факторах. Соотношение обозначенных установок у человека может быть различным, с преобладанием какого-то одного компонента, оно может меняться в течение жизни, поэтому очень сложно выделить интроверта и экстраверта в чистом виде.

Юнг также выделил четыре ведущие психические функции: рациональные – мышление и чувство, а также иррациональные – ощущение и интуиция. Внутри этих пар мышление противоположно чувству, а ощущение – интуиции. Все эти функции имеются у каждого человека, но преобладает

одна из них. Выделение интроверсии и экстраверсии, а также психических функций позволило Юнгу предложить восемь психологических типов, из которых четыре являлись экстравертными и четыре интровертными.

«Экстравертный мыслительный тип подчиняет свою жизнь и жизнь тех, кто от него зависит, твердо установленным правилам; его мышление позитивно, синтетично, догматично. Экстравертный чувствующий тип придерживается ценностей, к которым был приучен, уважает социальные условности, делает то, что считает правильным, и очень эмоционален. Экстравертный ощущающий тип ориентирован на наслаждение жизнью, общителен и легко приспосабливается к людям и обстоятельствам. Экстравертный интуитивный тип демонстрирует способность проникать в суть жизненных ситуаций, изобретателен и обладает особым чутьем на новые возможности, у него хорошие данные для занятий бизнесом, спекуляциями и политикой.

Интровертный мыслительный тип – это человек, у которого отсутствует практическое знание жизни; вынеся неприятный опыт из общения с ближними, он замыкается в себе, он желал бы добраться до последней сути вещей и демонстрирует величайшую духовную смелость в своих идеях, но нередко сам находится во власти колебаний и угрызений совести. Интровертный чувствующий тип – это, как правило, непритязательная, тихая, чрезмерно чувствительная личность, испытывающая затруднения в общении с ближними;

в случае, когда это женщина, она обладает загадочной властью над мужчинами-экстравертами. Интровертный ощущающий тип – тоже, как правило, спокойная натура, вззирающая на окружающий мир с доброжелательностью и восхищением и особенно восприимчивая к эстетическим свойствам вещей. Интровертный интуитивный тип – это чаще всего мечтатель, сновидец наяву, который склонен придавать величайшее значение внутреннему течению своих мыслей и которого другие нередко воспринимают как человека странного или эксцентричного»²⁵.

В последней главе «Психологических типов» Юнг обозначил понятия, которые стали основой его аналитической психологии и которые он разрабатывал все последующие годы. Наиболее заметные из них – категории «коллективного бессознательного» и «архетипов».

В своей статье «Структура бессознательного» (1916) Юнг писал: «Благодаря универсальному сходству в строении мозга возникает и возможность существования универсальной, идентичной для всех людей психической функции. Такая функция и есть то, что мы называем коллективным психическим или коллективной психикой. Коллективное психическое, в свою очередь, подразделяется на коллективный разум и коллективную душу»²⁶. В дальнейшем он использовал термин коллективного бессознательного, что означало более глубинную по сравнению с индивидуальным бессознательным структуру психики, основывающуюся на опыте пред-

ков, являющуюся наследуемым продуктом мозга. Коллективное бессознательное идентично у всего человечества и не контролируется волей отдельного индивида.

Коллективное бессознательное составляют так называемые архетипы. С точки зрения Юнга, это всеобщие априорные схемы, которые в реальной жизни человека наполняются конкретным содержанием. Они могут проявляться в сновидениях, лежат в основе мирового фольклора. Количество архетипов не ограничено, но Юнг и его последователи дали характеристики основным из них. К важнейшим архетипам структуры личности относились: персона, тень, анимус/анима, самость.

Персона – это то, каким образом человек демонстрирует себя окружающему миру. Она включает наши социальные роли и необходима для сокрытия истинной сущности человека с целью его приятия со стороны общества. Реализация этого архетипа первична в процессе индивидуации, поскольку человек по своей природе животное социальное. Однако в дальнейшем Персона может подавить индивидуальность – человек срастается со своими социальными ролями, становится конформным.

Тень – центр личного бессознательного, включающий желания, воспоминания, переживания, которые отрицаются индивидуумом как несовместимые с его персоной или противоречащие общественным нормам или ценностям. Воплощение подобного архетипа крайне важно для человека, так

как для достижения гармонического целого ему необходимо интегрировать все части своей личности, в том числе отрицательные.

Анимус или анима обозначают психическую двуполость человека. Фемининный архетип в мужчине называется «Анима», маскулинный в женщине – «Анимус». Эти архетипы не только являются причиной наличия у представителей каждого пола черт противоположного; они также действуют как коллективные образы, мотивирующие представителей полов понять друг друга. Нарушение баланса между личностью и данными архетипами приводит к появлению женоподобных мужчин и мужеподобных женщин (Юнг считал, что открыл в себе архетип анимы, когда в период личностного кризиса он задавал себе вопросы и сам же отвечал на них, но при ответе тембр голоса психиатра менялся на фальцет, что свидетельствовало об активации анимы. – С. А.).

Самость – это центр личности, она обеспечивает личности единство, равновесие и стабильность. Она конечный результат всех находящихся в оппозиции архетипов. Самость – это цель, к которой люди постоянно стремятся, но которой редко достигают. Прежде чем самость воплотится, необходимо, чтобы различные компоненты личности прошли полное развитие. По мнению К. Юнга, личность может достичь равновесия лишь в результате длительного процесса психологического созревания, называемого им индивидуацией.

Жизнь человека – процесс преобразований на пути к са-

мости. Рождаясь с недифференцированным бессознательным, он переходит в дальнейшем к стадии сознающего Эго. В детстве ребенок очень сильно связан со своей семьей и в особенности с родителями, влияние родительских установок на его развитие огромно. При поступлении в школу начинается процесс индивидуации ребенка, то есть реализация его задатков и особенностей. На каждом из этапов этого личностного роста человек должен отказываться от черт своей личности, характерных для прошлого этапа его развития, чтобы не остановиться в процессе индивидуации. Если же этого не происходит, то задача психотерапевта помочь человеку преодолеть эти препятствия и продолжить движение к себе настоящему.

Пережив кризис среднего возраста, Юнг уделял ему особое значение в процессе движения к самости. В возрасте между тридцатью двумя и тридцатью восемью годами человек кардинально меняется. Это может происходить как постепенно, так и резко, неожиданно для него самого. Те аспекты личности, которые не получали развития, те потребности и смыслы, которые не находили удовлетворения, заявляют о себе, требуя ответа. Ответ на этот вызов – принципиальный момент в жизни человека. От него зависит, достигнет ли человек самости или останется психологически незрелым и неудовлетворенным собой и окружающей действительностью. В том случае, если самость достигнута, человек как бы обретает самого себя заново, он получает новый смысл от

общения с окружающими его людьми, в конце концов он побеждает страх смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.